

```
<!-- /* Style Definitions */ p.MsoNormal, li.MsoNormal, div.MsoNormal {mso-style-parent:"";
margin:0cm; margin-bottom:.0001pt; text-align:justify; line-height:150%;
mso-pagination:widow-orphan; font-size:14.0pt; mso-bidi-font-size:10.0pt; font-family:"Times
New Roman"; mso-fareast-font-family:"Times New Roman";} p.MsoFootnoteText,
li.MsoFootnoteText, div.MsoFootnoteText {mso-style-noshow:yes; margin:0cm;
margin-bottom:.0001pt; mso-pagination:widow-orphan; font-size:10.0pt; font-family:"Times
New Roman"; mso-fareast-font-family:"Times New Roman";} p.MsoHeader, li.MsoHeader,
div.MsoHeader {margin:0cm; margin-bottom:.0001pt; mso-pagination:widow-orphan;
tab-stops:center 207.65pt right 415.3pt; font-size:10.0pt; font-family:"Times New Roman";
mso-fareast-font-family:"Times New Roman";} p.MsoFooter, li.MsoFooter, div.MsoFooter
{margin:0cm; margin-bottom:.0001pt; mso-pagination:widow-orphan; tab-stops:center
207.65pt right 415.3pt; font-size:10.0pt; font-family:"Times New Roman";
mso-fareast-font-family:"Times New Roman";} span.MsoFootnoteReference
{mso-style-noshow:yes; vertical-align:super;} p.MsoBodyTextIndent, li.MsoBodyTextIndent,
div.MsoBodyTextIndent {margin-top:0cm; margin-right:-38.25pt; margin-bottom:0cm;
margin-left:0cm; margin-bottom:.0001pt; text-align:justify; text-indent:1.0cm;
line-height:150%; mso-pagination:widow-orphan; font-size:14.0pt; mso-bidi-font-size:10.0pt;
font-family:"Times New Roman"; mso-fareast-font-family:"Times New Roman";} /* Page
Definitions */ @page
{mso-footnote-separator:url("file:///C:/DOCUME~1/User/LOCALS~1/Temp/msohtml1/01/clip_he
ader.htm") fs;
mso-footnote-continuation-separator:url("file:///C:/DOCUME~1/User/LOCALS~1/Temp/msohtml
1/01/clip_header.htm") fcs;
mso-endnote-separator:url("file:///C:/DOCUME~1/User/LOCALS~1/Temp/msohtml1/01/clip_he
ader.htm") es;
mso-endnote-continuation-separator:url("file:///C:/DOCUME~1/User/LOCALS~1/Temp/msohtml
1/01/clip_header.htm") ecs;} @page Section1 {size:595.3pt 841.9pt; margin:72.0pt 90.0pt
72.0pt 90.0pt; mso-header-margin:36.0pt; mso-footer-margin:36.0pt; mso-paper-source:0;}
div.Section1 {page:Section1;} /* List Definitions */ @list l0 {mso-list-id:1218323678;
mso-list-type:simple; mso-list-template-ids:681879822;} @list l0:level1
{mso-level-tab-stop:46.35pt; mso-level-number-position:left; margin-left:46.35pt;
text-indent:-18.0pt;} ol {margin-bottom:0cm;} ul {margin-bottom:0cm;} -->
```

СОЦИОЛОГИЯ – МУЛЬТИПАРАДИГМАЛЬНАЯ НАУКА?

БАЛОГ Андреас – преподаватель Венского университета и Академии государственной службы Австрии

Социологи считают социологию мультипарадигмальной наукой. Значит, «социальную реальность» можно рассматривать с разных точек зрения, что не позволяет говорить о единой «социологической теории» как всеобъемлющей и признанной группе доказательств, обсуждение основных дисциплинарных проблем которой более или менее закончилось в духе общего консенсуса. Такой подход отражен, естественно, и в учебниках, приводящих отдельные подходы или парадигмы как более или менее изолированные теории, не связанные друг с другом.

Такой взгляд редко ставят под сомнение [\[1\]](#). Идею «множественности теорий» особенно под влиянием школ «постмодерна» связывают и с идеей невозможности рационально решить вопрос выбора среди существующих теорий в пользу одной линии мысли, так как такой выбор были бы фактически предопределен политикой или вкусом. Моя позиция фундаментально иная. Социологические констатации относятся к сфере, которая не нуждается в противоречащих друг другу понимании и объяснениях. В социологическом анализе сами феномены уже положены, и они заставляют выбрать конкретный подход. Как только социологические констатации отделены от социальных фактов, к которым они отнесены, они становятся просто иррелевантными. Это ограничивает пределы для числа теорий, если теорию понимать как рациональный план.

Прежде всего, выясним, что социологи понимают под «теорией», «парадигмой» или «теоретическим подходом». Согласия в том, что такое теория и чему она служит, нет. Идеи, относимые к функции теории, сами зависят от теорий. Надежды на консенсус, достигаемый на основе определений философии науки, также не сбылись. Не проясняет дела и термин «парадигма», поскольку жарко дебатировался вопрос, что же понимать под этим словом и как этот термин применять при формировании социологических теорий [22]. Мне кажется, что единственное решение – идти от существующих на практике теорий, предполагаемая множественность которых обсуждается. Не трудно перечислить базовые характеристики этих теорий, теоретических подходов. Начнем с того, что у них своя идентичность, выражение которой является определенным обозначением («теория структуризации»). Эти теории определяют условия изучения явлений и проблем, считающихся главными в социологии; таким образом, они - фильтр в восприятии социальных феноменов и изучаемых проблем. Это значит, что данные подходы имеют нормативный аспект, определяя

предмет анализа, центральные проблемы и критерии, которым должно отвечать объяснение.

Социальные факты – это взаимоотношения действий. Мой главный тезис постулирует, что все теоретические подходы нацелены на анализ однородного предметного поля. Не проблема найти пример социальных феноменов (социальная мобильность или революции). Трудно дать полное определение. Все же среди социологов есть тенденция, хотя не всегда выраженная, определять социальные факты как взаимоотношения действий или образцов (patterns) действий. Это, бесспорно, весьма абстрактное определение, если учесть, что оно включает такие разнородные факты как социальные конфликты различных масштабов, интеракции, формальные организации, социальные асимметрии и социальные движения. С этой точки зрения, социальные феномены – взаимоотношения действий, структурированные с разными формами и интенсивностью и реализованные в разных измерениях, производство и ход которых определены окружающими условиями. Хотя об этом не всегда прямо говорят, у ряда теоретиков общий взгляд на социологию, несмотря на все различия, именно таков; Александер [1], Арчер [3], Будон [9], Бурдьё [10], Эльстер [14] и Гидденс.

Общее у социальных феноменов (социальных фактов) то, что 1) они состоят из действий, реализованных как действия и определяемых как действия; 2) они, как правило, недостаточно описываются только с помощью индивидуальных конституирующих действий; 3) их также не объяснить только на основе этих действий. Автономия социальных феноменов по отношению к действиям, из которых они состоят, основана на факте, что акторам нужно адаптироваться к феноменам и предполагать их в своих действиях (или организациях) или что их действия интегрированы в окружающие образцы действий, которые они часто не считают таковыми (пример - социальная мобильность). Феномены, в которые интегрированы действия конкретных акторов, также имеют свою историю, которую только и можно объяснить, соотнеся ее с действиями других акторов. Эти феномены развивают собственную динамику вынуждая, поддерживая или исключая определенные виды действий [2](#) .

Таким образом, социальные феномены демонстрируют два разных аспекта. Они одновременно «объективны» и «субъективны». Их «объективность» (или автономия) результат того, что их существование реализовано в действиях, отношениях или ожиданиях разных людей. Возможно, эти люди просто индивиды или представители институтов, возможно, ожидания принимают безликую форму, поскольку их определяют нормы и условности. Остается открытым вопрос, воспринимается ли эта форма объективности, с точки зрения акторов, чьи действия выступают составными элементами социальных фактов, как ограничение или как наличие возможностей. В то же время, «субъективность» становится очевидной, так как эти феномены всегда

воспринимаются акторами и реализуются в их действиях. Социальные факты, реализуемые в действиях акторов, неразрывно связаны с их личными идеями, намерениями и желаниями. «Объективность» поэтому неразрывно связана с «субъективными» взглядами акторов, а социальные феномены образуют единое целое этих двух аспектов [3](#). Конечно, отношение «объективного» и «субъективного» не одинаково для каждого социального факта – иногда одно из них важнее или привлекает большее к себе внимание. Неформальная дружба ближе к «субъективной» точке зрения акторов, чем формальная организация. Но у него есть и «объективные» аспекты: сами друзья и их окружение учитывают факт дружбы. Из этого примера видно, что нет социальных фактов без субъективных и объективных аспектов.

Автономия социальных феноменов, в отличие от действий, в которых они проявляются, также видна из факта, что для понимания идентичности феноменов недостаточно сложить вместе действия. Они не просто собрание отдельных фактов. Социальные феномены распознаются посредством выявления взаимосвязей действий. Для этого нужно сначала принять точку зрения актора. Такое понимание отвечает и повседневному опыту. Если мы хотим объяснить кому-то значение социальной стратификации или мобильности, мы выделяем составляющие их действия и их взаимоотношения. При феноменах, созданных нормативными суждениями (социальная несправедливость), выясняются критерии оценок, примененные акторами. Это вполне походит на практику антрополога, пытающегося в незнакомом обществе открыть основные образцы (patterns) в массе индивидуальных действий, чтобы объяснить поведение его членов, во-первых, и понять структуру институтов, во-вторых. Это положение не ведет нас к дефиниции социальных фактов, далекой от повседневного понимания. Напротив, метод понимания, применяемый в повседневной жизни интуитивно, взят за основу формирования концепции. Социальные феномены распознаются посредством выявления взаимосвязей действий. Идентификация феноменов по действиям не означает, что это всегда действия, способствующие появлению или существованию феноменов. Могут быть и природные катастрофы, ведущие к социальным несчастьям и т.п. Генезис и воспроизводство феноменов (организаций) может быть продуктом действий других людей или механизмов, загадочных для затронутых ими людей. Нет и каких-либо констатаций о виде действий, к которым можно отнести появление или сохранение феноменов. Предположения о структуре мотивации образуют догматическое ядро некоторых теоретических подходов (теория рационального выбора – ниже РВ). Против таких теоретических пристрастий нет убедительных аргументов, опирающихся на редукционизм мотиваций людей: если кто-то хочет объяснить происхождение или ход коллективного действия, его нужно проследить в обратном направлении до уровня действий отдельных участвовавших акторов, учтя все мотивы, влиявшие на их действия. Ориентация на пользу или просто конформизм так же возможны, как нормативные и моральные убеждения или религиозные верования.

Для анализа причин социальных феноменов недостаточно понимать действия с точки зрения актора. Автономия социальных фактов ведет к тому, что при нормальных условиях акторы не обязательно дают достаточно информации в нужной форме относительно причинных условий или функциональной взаимосвязи социальных фактов, в которые вносят вклад их действия. Члены организации по большей части знакомы только с собственной сферой труда, не обладая компетентной информацией о функционировании всей организации. Это может быть совершенно irrelevantно для них, для их деятельности в организации. Как правило, знание причинной истории или механизмов воспроизводства не является частью компетентного обращения с социальными фактами. Конечно, есть исключения и различия между акторами в этом плане, связанные с их статусом в иерархических структурах.

Я показал, что понимание социальных феноменов как взаимоотношений действий открыто на многие стороны. Оно не определяет ни структуры, ни причинные процессы, ведущие к их развитию или существованию, ни вытекающие из них следствия. Однако важные измерения социальных фактов становятся яснее:

1. Конституирующие (составные) элементы – действия – события во времени и пространстве. Это относится и к социальным фактам. То есть, что социологический анализ должен выдержать проверку на объяснение событий, которые можно идентифицировать во времени и пространстве. Конечно, это можно учесть абстрактно и обсуждать общие проблемы, основанные на социальных конфликтах или социальной мобильности (такие как структура действий вообще). Но эти дискуссии связаны с рядом пространственно и темпорально фиксируемых взаимоотношений действий, и заявления о них могут быть подтверждены или опровергнуты именно в такой связи.
2. Социальные феномены могут быть в большей или меньшей степени структурированы (формальные организации в сравнении с политическими переменами или спадами экономической активности). Это - следствие разнообразия социальных фактов. Они охватывают мимолетные встречи, эпохальные перемены, относительно неструктурированные обстоятельства, паническую реакцию или четко структурированные события, такие как исполнение обязанностей в тотальных институтах.
3. Хотя есть некоторые феномены, которые реализуются акторами, имеющими как раз такие (жестко структурированные) интересы и нацеленные как раз на такие цели (пример - религиозные секты), при анализе других феноменов следует учитывать большое число разных мотивов и целей. Пример здесь определение Вебером

бюрократии: оно построено вокруг бюрократов, политиков и публики. Есть факты (например, война), объяснить которые можно лишь, если учтены процессы интеграции других феноменов (принятие государственных решений).

4. Некоторые феномены реализуются акторами сознательно (разговоры, организационные задачи, стратегические игры). Другие конституируются только с точки зрения наблюдателя (например, эпохальные перемены или инфляция) [5]. Это связано и с тем, есть ли у рассматриваемого феномена ясная идентичность или нет, с точки зрения акторов, вносящих вклад в его реализацию. Но в этом отношении коллективные феномены способны принимать весьма разные формы. Они могут выражаться, как некая коллективная идентичность; они могут выражать сознание того, что на чьи-то действия влияют другие, или быть направлены на других, им могут предшествовать действия других. Политическая демонстрация имеет совсем иную структуру, чем акт покупки или судебный процесс, все они, однако, присутствуют как коллективные феномены в понимании акторов, которые реализуют их [16]. Такие феномены следует отличать от тех, чье единство конституирует точка зрения наблюдателя, - например, «Падение Римской империи».

5. Значимость ряда других измерений, относящихся к структуре социальных феноменов, варьирует под влиянием ценностей, доминирования или установленных иерархий. Речь может идти и о конституирующем значении (создание формальной организации), и значении периферийном (паническая реакция). Ранговая шкала от сильного до слабого едва ли может исчерпать роль данного измерения.

С помощью выше названных измерений можно идентифицировать понятным образом все социальные факты. Кроме их темпоральных и пространственных координат, все они более или менее структурированы, идентифицируемы в действиях различных личностей или групп, представлены по-разному как нечто целостное в сознании акторов, реализовавших их, имеют разные отношения к иерархическим структурам, ценностям, и т.д. Идентификация социальных фактов в их действиях – предпосылка объяснений, не имеющая, однако, ничего общего с причинными или функциональными объяснениями. Нельзя идентифицировать причинные факторы, содействующие наличию или смене социальных фактов, так же, как идентифицируются феномены в конституирующих действиях.

Мотивы акторов и групп, причины совершения действия, ведущего к реализации феномена, могут быть совершенно разнородными. Это относится не только к разным феноменам (таким как социальная мобильность и религиозные практики), но и к

единичным социальным фактам. Нет гарантий, что все участники войны, члены организаций или конформные граждане имеют одинаковые мотивы, или что социальный конформизм в определенной сфере основан на идентичных мотивах.

Анализ социальных данных показывает, что общие заявления о структуре, условиях воспроизводства или изменениях феноменов невозможны без учета соответствующих условий конституирующих их действий. Факты слишком разнородны, чтобы их могли приложить к разнородной, построенной на теории схеме описания или объяснения. В отношении социальной интеграции есть, с одной стороны, не интегрированные феномены, например войны. С другой стороны, средства интеграции феноменов совершенно различны и могут определяться принуждением, нормативным консенсусом, разницей интересов, традиций или комбинацией этих и других факторов. То же относится к «социальным изменениям», социальной девиации или социальной мобильности, всем различным феноменам, которые реализуются по-разному и поэтому могут быть идентифицируемы только в конкретном контексте. К тому же эти феномены могут иметь совершенно разные причины, выполняя разные функции. [4](#)

Недвусмысленная идентификация социальных фактов основана на описании акторами действий, которые привели к проявлению этих феноменов. Есть прямые критерии описания действий, основанных на намерениях акторов, которые и реализованы в их действиях [4]. Это не исключает возможности описания действий в разных контекстах или разными способами. Например, вторая мировая война была «Великой Отечественной войной» с советской точки зрения, в то время как с определенной немецкой точки зрения это была «защита культуры германцев от большевиков». Каков же общий феномен? Это идентификация более высокого уровня, а именно: Вторая мировая война или война между Германией и Советским Союзом, - на которой основаны оба несовместимых описания. Таков один из аспектов феномена, основанный на описании более высокого уровня действия и применимый для всех акторов, им затронутых. Таким образом, ясно, что различие ярлыков стало еще одним социальным феноменом.

[5](#)

Поскольку действия, на которых они основаны, имеют идентичности более высокого уровня вопреки всем разным оценкам, перспективная форма повседневного знания не мешает познанию идентичных фактов. Учет перспективы акторов уводит от сколько-нибудь спорных идентификаций феноменов.

Множественность парадигм в социологии. Как же объяснить множественность теорий в свете сказанного выше? Мой тезис постулирует, что взаимоотношения

действий анализируются путем индивидуальных подходов с ограничениями, соответствующими теоретическим посылкам. Формы этих ограничений разные, однако, взаимосвязанные несколькими способами. В отношении индивидуальных подходов только анализ конкретных проблем - легитимная задача социологии (социальная интеграция или конфликты). Концепция действия, которая создает базу феномена, ограничена (охватывая лишь конкретные действия или мотивы, то есть только труд, или мотивацию чьим-либо эгоистическим интересом). В дополнение к социальным фактам истинность конкретных причинных отношений считается данной, являясь тем, на что можно опереться в объяснении всех феноменов (зависимость всех феноменов от средств производства; социальная координация, основанная на нормативном консенсусе). Ограничения здесь связаны с проекцией конкретных причинных отношений на социальные факты.

Ниже приведены доказательства этого тезиса применительно к трем представительным и хорошо известным теориям: символический интеракционизм, теория рационального выбора (РВ) и структурный функционализм по «среднему Парсонсу». Эти теории претендуют на способность объяснять все важные проблемы социологии. Они охватывают разные мнения в сфере социологии поле и анализа социальных феноменов. Общее у них – тесная связь между типом характеристики социальных феноменов и пониманием действий. Эти теории выбраны потому, что их главные послылки можно рационально обсудить.

А) Структурный функционализм построен на убеждении, что действия обычно мотивированы намерением соответствовать общепринятым социальным ценностям [21]. Ценности, на которых основаны действия, - те же, что и ценности, обеспечивающие их интеграцию в структурированное целое. Парсонс, кроме того, верил, что нормативно интегрированные единства выполняют конкретные функциональные потребности, образуя «системы». Согласно этой посылке, социологическое объяснение включает анализ важности конкретных феноменов или событий в контексте этих единств более высокого уровня в процессе воспроизводства системы.

Б) Согласно теории рационального выбора (РВ), акторы мотивированы расчетом своей выгоды, точнее - анализом соответствующих расходов и прибыли, сделанным актором [11]. Другие мотивы, - альтруизм, конформизм по отношению к нормам или обычаям, – не учитываются или считаются “в конечном счете” тоже ориентированными на выгоду. То есть мотивы действий по определению фиксированы. Это значит, что существующие социальные феномены – результат ориентированных на выгоду действий и их следует понимать как баланс, позволяющий акторам преследовать любые выгодные для себя цели. В этом подходе также тесно увязаны определенное понимание образа действий и их истоков, или наличие феномена. Объяснение феноменов состоит в идентификации

отвечающих выгоде действий и реконструкции анализа актором расходов и прибыли.

В) Символический интеракционизм [8] подчеркивает ориентацию на общие интерпретации, о которых акторы договариваются в зависимости от ситуации. С этой точки зрения успешное исполнение действий предполагает интерпретации ситуации, а действия предстают реализацией этих интерпретаций. Социальные факты конституируются общими интерпретациями и обязаны своим существованием применению таких интерпретаций. Некоторые интерпретации создают конкретные акторы, но более важные – продукт группы, к которой принадлежит актор. Известный пример социального феномена в символическом интеракционизме (СИ) - феномен преступности, понимаемый в соответствии с подходом, основанном на наклеивании ярлыков. Конструирование и применение определений, относящихся к девиантному поведению, определяют, что считается преступлением и кто - преступником [7].

Без сомнения, есть «базовые сферы», к которым эти односторонние оценки феноменов и связанные с ними объяснения применимы. Есть действия, мотивированные нормами или выгодой, но нельзя утверждать, что таковы все действия. Однако эти теории понимаются не как конкретные случаи в рамках конкретных подходов. Напротив, они считаются парадигмальными для всего диапазона социальных фактов. В символическом интеракционизме это феномены, конституированные классификациями, подобные ярлыкам, приклеиваемым к личностям. В РВ действия связываются с акцентированной концепцией расходов и прибыли, особенно в экономическом контексте. В случае структурного функционализма - действия в нормативно интегрированных коллективах. С точки зрения, автора данной статьи, здесь имеют место специфические взаимоотношения действий, обобщенные до уровня прототипов действий и социальных феноменов на основе односторонних и ограничивающих теорий. Социальные феномены не обязательно создают нормативно интегрированные единицы или ориентированное на выгоду равновесие. Они не конституируются и интерпретациями в результате широких договоренностей.

[6](#) Поэтому названные три подхода недопустимо ограничивают понимание действий и социальных феноменов.

Эти подходы сочетают отдельные предположения о социальных фактах, процессах их производства и воспроизводства с избирательными интерпретациями концепции действия. Это вынужденное сочетание. Социальные феномены и действия не могут быть отделены друг от друга. Факты и действия обладают логическим соединением, выражающимся в двойном детерминизме: социальные факты могут быть идентифицированы только путем определения (спецификации) действий, в которых они проявляются. Характеристики этих феноменов, действия, их составляющие, также детерминированы. Определения действий, с другой стороны, детерминируют тот вид фактов, который может быть идентифицирован через соотнесение с этими действиями.

Ограничительные модели действия ведут к тому, что все другие действия, не удовлетворяющие критериям модели, приходится определять заново. Альтруизм анализируется теориями РВ как замаскированная форма эгоизма; ориентация на нормы и выражение эмоций объясняются эгоизмом установок. Это не придает теории обобщающий характер, а лишает ее смысла. То же относится к ориентации на нормы. Если значимое действие возможно лишь постольку, поскольку конформно с общепринятыми ценностями или мотивировано ими, тогда любое действие по определению есть ориентированное на нормы действие, мотивированное ценностями. Однако такая теория действия практически бесплодна, так как ее нельзя опровергнуть. «Теория» здесь использована как другое название «определения». Кроме того, в противоположность посылам двух первых теорий, эта ограничивает свободу действия участвующей личности, поскольку он/она не могут предпринять какое-либо действие, кроме ориентированного на выгоду или нормы. [7](#)

Все три подхода основаны на определениях того, как следует понимать действия и социальные феномены. «Равновесие», «нормативно интегрированная социальная система», или факты, основанные на взаимной интерпретации, все это касается одного возможного аспекта социального феномена. Факты могут указывать (и часто указывают) на эти аспекты. Но абсурдно определять их с самого начала лишь как таковые. Степень, в которой люди действительно ведут себя так, чтобы максимизировать свою выгоду, или мотивированы общими ценностями – проблема эмпирического анализа. На вопросы о мотивации действий нельзя ответить, не учитывая точку зрения самих акторов.

Поэтому все три подхода можно считать формами обобщения частных измерений и соответствующих причинных взаимосвязей, которые могут схватывать (или искажать) аспекты действий или социальных феноменов. [8](#) Значит, все другие интерпретации, все конфликты интересов, а также отсутствие нормативного согласия вместе взятые могут быть значимы при объяснении социальных конфликтов. И было бы искажением фактов, если бы один из этих факторов был обойден при объяснении. То же можно сказать о процессе переговоров, когда свою роль играют по-разному определяемые интерпретации ситуаций, стремление к личным целям, возможные приверженности ценностям более высокого уровня. В зависимости от контекста один из этих элементов действия может отсутствовать или иметь лишь ограниченное влияние. Становится возможным следующее: ценности более высокого уровня могут отсутствовать в переговорах людей, чуждых друг другу или столь сильно стремящихся к своим целям, что не учитывают интересы других, или участники ритуализованного контекста не действуют в интересах своих прибылей. Теория не может также заявить, что общие интерпретации, реализация эгоистичных интересов и конформизм по отношению к нормам и ценностям - не единственные причины мотивации людей к действию.

Традиции, нормы, не основанные на общих для всех ценностях, эмоциональных привязанностях, подражание, моральные соображения, - тоже действенные мотивы.

Несмотря на редукционизм таких теорий, результаты основанных на них эмпирических исследований не обязательно неинформативны благодаря тому, что разговор о социальных фактах и анализ их не многозначны, и они, поэтому, могут не ограничиваться измерениями, представленными в указанных теориях. Социальные факты познаются только в действиях, а познать факты, значит связать их с намерениями акторов и контекстом действий. Эти элементы действий, а поэтому и фактов, соотнесенные с темпоральными пространственными событиями, должны учитываться, или, по меньшей мере, подразумеваться. Поэтому измерения, конституирующие идентичность действий и фактов, должны быть указаны или как минимум – косвенно подразумеваться. Если эти условия не соблюдены, тогда обсуждаемый вопрос не ясен. [9](#)

А) «Выгоду», «интерес» следует уточнить по контексту взаимоотношений действий. То же относится к конкретизации ориентаций на выгоду, например, «материальная прибыль», «социальное признание» или «минимизация потерь». Здесь предполагается коллектив с общим пониманием значения социальных ценностей. (Социальные нормы и ценности тоже могут играть важную роль при определении «выгоды»). Поэтому выгодное действие - лишь часть более общего взаимоотношения действий, которое следует, по меньшей мере, предполагать в непрямом виде, чтобы ориентированные на выгоду действия вообще были эффективными. Поэтому теорию РВ правильно называли вариантом герменевтического подхода [13].

Б) То же относится к символическому интеракционизму. Атрибуция категорий типа «душевнобольной» или классификация подростков-преступников как «возможных рецидивистов» (примеры эмпирического применения символического интеракционизма) предполагает наличие принципов процесса атрибуции. Эмпирические данные убедительно доказывают, что здесь возможны связь с соображениями выгоды групп, осуществляющих категоризацию, или указание на традиционные посылки и ценности. Однако все это может быть или основано на отношениях власти или, вероятнее, быть смесью этих принципов. Акт категоризации лишь часть взаимоотношений действий более высокого уровня, сформированных практиками соответствующих групп и организаций и обладающих устойчивой структурой, зависящей от отношений власти, политических процессов и приверженности ценностям [24]. Идентичность этого взаимоотношения действий также следует предполагать – по меньшей мере в непрямом виде. Она формирует основы конкретных практик классификации и конституирующих действий. Поэтому для углубленного изучения их содержания и хода мыслей необходимо учитывать описанные выше факторы.

В) Структурный функционализм предполагает наличие общего определения соответствующих ценностей, а также содержит косвенную посылку о соответствии собственных интересов личности этим ценностям. В основе этой теории также аспекты других подходов, подчиненные, однако, идее, что именно общие ценности мотивируют людей действительно предпринимать действия и образуют основу существующих институтов. Функционализм должен заявлять, что ценности реализуются в действиях, иначе они окажутся платоническими единицами без всякого социального смысла. Признание действий делает необходимой связь и с другими аспектами этих действий. Поэтому должны учитываться и другие измерения взаимоотношений происходящих действий. Частичный акцент на нормативных или иных аспектах, тем не менее, ограничивает позиции, занимаемые по отношению к предмету, как и понимание феномена.

[10](#)

Заклячая, отмечу, что упомянутые выше теории с самого начала определяют феномены как подлежащие анализу в ограниченной форме. Такой метод или допускает лишь анализ конкретных феноменов (подходящих к соответствующим теоретическим посылкам), или только конкретных аспектов разносторонних фактов. В результате нельзя оценить сами теории или эмпирические результаты, основанные на применении этих теорий, в плане их применимости к анализу социальных фактов. У этих теорий слишком мало описывающих категорий, чтобы их можно было применять к особенностям социальных фактов, насколько это косвенно (in an implicit manner) очевидно. Если такие теории приводят к информативным констатациям, то лишь потому, что они вынужденно рассматривают аспекты реальных взаимоотношений, выходящие за пределы этих концепций.

Выводы. Какова причина множественности теорий? Ответ, основанный на приведенных примерах, прост. Определенные аспекты взаимоотношений действий, как отмечалось, - самыми важными и конституирующими; описания и объяснения построены на них. Предполагаются посылки о мотивах действий, структуре социальных феноменов и функциональных предрасположениях воспроизводства социальных единиц. Это значит, что они используются как определения предмета анализа и причинно-функциональных цепочек событий, которые уже невозможно ставить под вопрос в контексте этих теорий. Оправдывают определения и причинно-функциональные предположения несколькими способами – или указанием на традиции социологии, на предположения философов о «природе человека», или путем метафорического применения научных терминов и теорий, или просто прагматическими потребностями.

[11](#)

Основная проблема этих теорий – то, что они приспособляют социальные феномены к своим посылкам. Это происходит и с эмпирическими результатами, поскольку анализируемые социальные факты пропитаны концепциями этих теорий. Таким образом,

появляется множество социальных миров – продукты самореализации теорий, воспроизводимых в круговую. Оспорить их можно только извне.

Однако у всех этих теорий слабо развита дескриптивная (описывающая) способность концепций. Поэтому важно выработать дескриптивные концепции, чтобы анализировать взаимоотношения действий, идентифицировать конституирующие их измерения для более точного понимания и объяснения социальных феноменов и их структуры, не применяя никаких искажающих определений или ограничивающих подходов.

В этом смысле социологами делались попытки, однако, их никогда не признавали способом достижения понимания феноменов и функций социологии, кроме как (и прежде всего) в частных вопросах. Термины типа «интерактивные системы» [9], «фигурация» [12] и «окружающая среда действий» [1] использовались описательным образом. В этом свете, были попытки описать предметное поле социологии всеобъемлющим способом. У всех способов дескриптивного формирования концепций общее то, что они идентифицируют социальные феномены в действиях людей, повседневные деяния которых включают и производят эти феномены. Такие посылки в принципе - форма само собой разумеющегося реализма. Анализируемые феномены существуют вне научных референтных рамок в делах акторов; их также можно понять как межсубъектно обязательные. Всякое притязание на эмпирически значимую причинную связь или на интеграцию социальных целостностей предполагает соотнесение с идентичностью социальных фактов, реализуемой действиями участвующих людей. Отсюда необходимость понять взгляды и намерения акторов, которые конституируют действия, ставшие основой социальных фактов. Для понимания акторов нужен учет их социальной позиции. Такое необходимое соединение служит коррективом против реконструкции феноменов на основе селективных теоретических интенций.

С непредвзятой точки зрения следует утверждать, что наличие разных подходов следует считать позитивным, так как разные неполные взгляды могут дополнить друг друга. Однако это не так. Отдельные теории слишком разные по масштабам своих притязаний, чтобы стать вкладом в единое целое. Опасность заключена в сведении феноменов до категорий, заложенных в теории. В результате упрямые социальные факты отрицаются, когда определения строят лишь на теоретических посылках без соотнесения с действиями реальных людей. То есть проблемы ограничиваются соответственно редуцированному пониманию, тем самым, ограничивая возможные факторы объяснения.

Помимо всех фактических возражений, считаю, что «культура», которой способствует множественность теорий, имеет негативные последствия. Соперничество делает незаметным понимание многомерности социальных фактов и воздействий, исходящих из них. Это особенно относится к программным заявлениям. Применение теорий к эмпирическим фактам носит более прагматичный характер. Развивается культура догматических сект, связанная с пренебрежительным отношением к другим теориям. Ни одна из них не способствует целостному (holistic) анализу социальных феноменов, что не допускает интеллектуальных дискуссий.

(Перевод Н.В. Романовского при поддержке РГНФ, грант № 00-03-00127)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Alexander J.* Action and its Environment. Toward a New Synthesis. NY: Columbia Univ. Press. 1988.
2. *Alexander J.* Theoretical Logic / Sociology I: Positivism, Presuppositions and Current Controversies. L.: Routledge and Kegan Paul. 1982.
3. *Archer M.* Realist Social Theory: the Morphogenetic Approach. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995.
4. *Balog A.* Rekonstruktion von Handlungen. Alltagsinstitutionen und soziologische Begriffsbildung. Opladen. Westdeutscher Verlag, 1989 .

5. *Balog A.* Formen der 'Zerlegbarkeit' sozialer Phänomene. Ein Beitrag zum Mikro-Makro-Problem // Analyse und Kritik. 1993, №15, S. 168-191.
6. *Becker G.* Der ökonomische Ansatz. Zur Erklärung menschlichen Verhaltens. Tübingen: Mohr, 1981.
7. *Becker H. A.* Aussenseiter. Zur Soziologie abweichenden Verhaltens. Frankfurt a.M.: Fischer, 1973.
8. *Blumer H.* Symbolic Interactionism, Perspective and Method. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1969.
9. *Boudon R.* Die Logik des gesellschaftlichen Handelns. Neuwied-Darmstadt: Luchterhand, 1980.
10. *Bourdieu P.* Sozialer Sinn. Frankfurt a.M.: Suhrkamp. 1987.
11. *Coleman J.* Grundlagen der Sozialtheorie. München: Oldenbourg. 1991.
12. *Elias N.* Was ist Soziologie? München: Juventa. 1970.
13. *Elster J.* Some Unresolved Problems in the Theory of Rational Choice // Acta Sociologica. 1993. V. 36, p. 179-190.
14. *Elster J.* Nuts and Bolts for the Social Sciences. Cambridge: CUP, 1989.

15. *Feinberg J.* Handlungen und Verantwortung / *G. Meggle* (Hg.). Analytische Handlungstheorie. Bd I. Handlungsbeschreibung. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1977, S. 186-224.

16. *Gilbert M.* On Social Facts. Princeton, NJ, Princeton University Press, 1989.

17. *Goffman E.* Asyl. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1977.

18. *Greshoff r.* Die theoretischen Konzeptionen des Sozialen von Max Weber und Niklas Luhmann im Vergleich. Opladen-Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2000.

19. *Kiser E., Hechter M.* The Role of General Theory in Comparative-Historical Sociology // American Journal of Sociology. 1991, V. 97, No . 1, p. 1-30.

20. *Parsons T.* On the Concept of Political Power / *T. Parsons.* Sociological Theory and Modern Society. NY-L.: Free Press. 1967, p. 297-354.

21. *Parsons T.* The Social System. L.: Routledge and Kegan Paul, 1951.

22. *Ritzer G.* Metatheorizing in Sociology. Lexington, Mass.: Heath &Co. 1991.

23. *Schmid M.* Theorienvergleich in den Sozialwissenschaften // Ethik und Sozialwissenschaften. 2001, No.12.

24. *Strauss A. Et al.* The Hospital and Its Negotiated Order / *F.G. Castles, D.J. Murray, D.C. Potter* (eds.). Decisions, Organizations and Society. Harmondsworth: Penguin, 1971, p. 103-123.

[\[1\]](#) Есть признаки возрождения проекта сравнения теорий («Theorienvergleich»), - центральная проблема немецкой социологии 1970-х годов [18, 23]. Конечно, в контексте такой дискуссии множественность теорий не считается данной.

[2](#) Возможность отделения действий от феноменов относительна и имеет разные формы. Этот аспект подчеркивал, в частности, Дюркгейм.

[3](#) Еще один аспект «объективности» обычно виден наблюдателю со стороны, а именно – усвоенные групповые взгляды и убеждения, которые актор считает естественными.

[4](#) Вебер использовал термин «аморфные понятия» в отношении к феноменам, которые могут быть реализованы разными способами. С другой стороны, у него нет замечаний о центральной роли этих феноменов.

[5](#) Основой здесь является эластичность описания действий [15].

[6](#) «Тотальные институты» – пример социального феномена, лишь периферийно покрытого названными теориями.

[7](#) Ранние статьи Парсонса полемизируют с отрицанием свободы действия «утилитаризмом» – идеальным вариантом теории РВ. В свою очередь, теоретики РВ подчеркивают детерминизм последствий нормативной интеграции [19]. В символическом интеракционизме также есть детерминистские выводы, проявляющиеся в приравнивании мотивов и намерений к фактам внешнего мира, что требует одинаковой интерпретации. Индивид не может принять решение о своем действии; он

способен лишь интерпретировать его пост фактум

.

[8](#) Классический марксизм заменил действия трудом – одной формой действия. Претендует он, между тем, на объяснение всех социальных феноменов трудом, или точнее, материальным удовлетворением материальных потребностей посредством труда (часто понятого как физический труд). И феномены, прямо не сводимые к труду, получают производный, вторичный статус.

[9](#) Это, по меньшей мере, применимо к случаям, когда есть претензия на объяснение реальных социальных фактов. Для анализа моделей (в рамках теории игр, которая, видимо, наиболее интересно использует теории РВ), такое дополнение минимально необходимо.

[10](#) Структурный функционализм с самого начала определяет власть как власть легитимную [20]. Другие аспекты этого феномена в рамках такой теории увидеть нельзя.

[11](#) Особенно в концепциях РВ некоторые теоретики говорят о природе человека [6], другие легитимируют ограниченность своего подхода прагматическими соображениями [11].